

Пока ты танцуешь

Лаура
Идрисова

Лаура Идрисова
Пока ты танцуешь

«Издательские решения»

Идрисова Л.

Пока ты танцуешь / Л. Идрисова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936302-2

Микаэль Блис много лет посвятил лишь одной цели. Но встреча с таинственной танцовщицей перевернула его жизнь. И он даже не подозревает какая роковая тайна связывает их судьбы.

ISBN 978-5-44-936302-2

© Идрисова Л.
© Издательские решения

Содержание

Микаэль	6
Долгожданная встреча	7
Танец	11
Пробуждение	13
Вопросы	15
Мадам Жубер	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Пока ты танцуешь

Лаура Идрисова

Иллюстратор Алина Демченко

© Лаура Идрисова, 2018

© Алина Демченко, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-6302-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Микаэль

Холодный свет растекался по поверхности медицинских инструментов. Пахло йодом. Тишину нарушал размеренный ход часов. Микаэль снял халат и перчатки. Долго и тщательно мыл руки. В кабинете он потратил пятнадцать минут на заполнение бланков. День задался, и делать записи доставляло особое удовольствие. Звонил телефон. Однако Микаэль даже не взглянул в его сторону – привычка качественно делать работу не давала отвлекаться. Закончив, Микаэль, как обычно, задержался в кабинете на тридцать минут – ожидая, пока коллеги покинут здание. В сотый раз поправив и без того аккуратно разложенные бумаги, он, наконец, затворил за собой дверь кабинета.

Туманы поглотили дома и улицы – исчез город. Микаэль обгонял редких, молчаливых прохожих. Звук его шагов раскатывался эхом далеко вперед, исчезая в серой пелене.

Тут и там вспыхивали пятна фонарей, когда он очнулся. Микаэль стоял в незнакомом переулке у здания из темного кирпича. «Музей игрушек», – прочел Микаэль на вывеске. До закрытия оставалось немного времени. Двери музея распахнулись, едва он их коснулся. Он кашлянул, ожидая служащих, но никто не отозвался.

Внутри царил тишина – неприветливая, холодная. Микаэль проходил из зала в залу. Со всех сторон клоуны, медведи и пупсы тарасились на него стеклянными и пуговичными глазами. Микаэлю начало казаться, что пространство сужается, и игрушки приближаются к нему маленькими шажками.

Его внимание привлек стеклянный ящик. Под прозрачным колпаком стояла механическая кукла – сложнейшее переплетение пружин, шестеренок, тонких тросов. Стальные детали, выставленные напоказ, вызвали неприязнь. Глаза куклы были полностью черны. Микаэль смотрел в них не отрываясь – чудилось, что из этой темноты за ним наблюдают.

– Музей закрывается!

Микаэль, вздрогнув, обернулся. Его ждал мужчина в униформе. У самых дверей, Микаэль услышал треп охранников.

– Что на этот раз?

– Сегодня двое папаш шепотком обсуждали новости из кабаре «Роскошные ножки». В город заехала таинственная плясунья и даст только несколько представлений. Именно в этом кабаре!

– Сплетни одни, а ты и уши развесил.

– Говорю тебе, мужики теряют разум моментально! А отец прячет дочку до и после номера. Даже представить не могу, что она вытворяет! Вот бы и нам взглянуть...

– Ну да, там ждут тебя с нетерпением! «Роскошные ножки» – это ведь не только кабаре, но и дорогуший бордель. Туда не каждому пропуск по карману.

Микаэль вышел. Он не удивился тому, что услышал – все указывает на то, что ждать больше нельзя. Он махнул рукой машине с шашками, и через мгновение она несла его сквозь ночные улицы.

Долгожданная встреча

Кабаре «Роскошные ножки» озаряло неоном чуть не весь квартал. Огромное здание в три этажа, украшенное башенками, колдовским замком нависало над улицей. Хотя в этой части города каждый второй дом мог стать иллюстрацией к книге средневековых сказок.

За прочными дверьми бухала музыка. Три здоровяка, стоя за массивной цепью, пристально оглядывали каждого прежде, чем впустить внутрь. Микаэль испытывал неловкость оттого, что придется толкаться здесь – не хотелось, чтобы его приняли за еще одного поклонника эротических танцев и дешевой любви.

Становилось все более людно. Микаэль, внутренне морщась, подошел ближе к входу. Многие были навеселе. Смачно обсуждались девушки, работающие в кабаре, слышались догадки о предстоящем выступлении. Микаэля поразила беседа двух мужчин, видевших, как он понял, представление вчера. О загадочной танцовщице не было сказано ни единой пошлости – осторожно подбирались слова, обожание слышалось в голосах.

Микаэль глянул на часы – он пробыл здесь тридцать семь минут, но так и не решился войти. Называя себя малодушным трусом, он пошел прочь вдоль толпы, хвост которой растворялся в темноте. Наконец, музыка и говор стали рассеиваться. Завернув за угол, он едва не столкнулся с высоким человеком. Седая борода, поля старой шляпы вкупе с тусклым светом фонаря скрывали лицо прохожего. Микаэль извинился, и поспешил было дальше. Однако мужчина остановил его, спросив густым баском который час.

– Тридцать две минуты десятого, – ответил Микаэль.

Незнакомец спросил:

– А вы разве на представление не останетесь?

– Не думаю, что найду там что-то для себя. Мне никогда не нравились танцы подобного рода.

– Канкан тоже душу может тронуть, если танцевать умеючи, – сказал мужчина, продолжая рассматривать Микаэля. – Поверьте, вы рискуете пропустить нечто невероятное!

Голос говорившего понравился Микаэлю.

– Откуда вы знаете? – улыбнулся он.

– Как же мне не знать, если танцует мое творение! – захохотал незнакомец, – Да! Моя дочь сегодня выступает.

У Микаэля замерло сердце. Это был тот самый человек, встречи с которым он так долго ждал. Стараясь не выдать себя, Микаэль сказал:

– Не думаю, что для хорошего отца это повод для радости.

– Вы ошибаетесь! Послушайте, вам непременно нужно увидеть все самому. Иначе мы будем говорить на разных языках.

– Боюсь, меня не впустят.

– Так вы же со мной будете. Уж угодите пожилому человеку, – сказал незнакомец и после паузы добавил ехидно – А вы, видно сразу, человек очень правильный.

Последние слова прозвучали как оскорбление. Незнакомый крепким шагом двинулся к кабаре. «Он еще весьма силен. Зачем он скрывал существование дочери? Она, наверное, мне ровесница», – думал Микаэль, следуя за ним. В голове вылепился образ этой женщины – плотный грим, призванный скрыть лишние года, желтозубая улыбка, усталость во взгляде. Бедная женщина!

Они обошли здание. На ободранной стене словно нарисована была маленькая дверь. И там тоже томились в ожидании люди. Бесцеремонно протолкнувшись сквозь толпу, незнакомец постучал и обернулся к Микаэлю.

– Видели, сколько народу? – прошептал он.

Микаэль решил не скрывать своих мыслей:

– Кое-кто из этого «народа» очень некрасиво высказывался о вашей дочери. На вашем месте я бы так не восторгался.

В двери открылось окошко.

– Мы пришли, – сказал старик.

Окно исчезло, послышались щелчки размыкающихся замков. Толпа ожила, заговорила, потянулась к ним. В дверку протиснулся верзила и указал на Микаэля:

– Этот с вами?

– Да.

Человек впустил их, рыкнув на остальных.

Внутри разливался мягкий свет, слышался приглушенный смех. Из глубин темных коридоров глухо доносилась задорная мелодия. Запахи парфюма и кухни порождали загадочную смесь. Здесь все было пропитано женским, трепетным. У Микаэля отчего-то быстрее забилося сердце.

Старик уверенно шел впереди.

– Некрасиво высказывались, говорите? Это те, кто еще ее не видел. Но ничего, – мужчина хохотнул, – многие из них выйдут другими людьми отсюда. Уж, поверьте, молодой человек.

Микаэля слова эти поразили.

– Вы хотите сказать, что узрев вашу дочь на сцене прокуренного кабака, я изменюсь? Ваш горделивый тон вызывает отвращение. И должен отметить, что вы скорее смахиваете на сутенера, нежели на заботливого отца!

Старик так резко остановился, что Микаэль налетел на него. Несколько мгновений незнакомец молчал. Невозможно было понять, обижен он или зол – лицо его было в тени. Наконец, он распахнул дверь и спокойно сказал:

– Вам туда. Я договорюсь с хозяйкой – у вас будет лучший столик. Что до вопроса – да. Вы изменитесь. Не буду сейчас реагировать на оскорбления, потому что знаю – вы не понимаете, о чем говорите. А в следующую нашу встречу я приму ваши извинения.

Горло душила зародившаяся невесть откуда злорадия. Захотелось ударить этого человека. Сжав кулаки и пробормотав: «Что ж, увидим!», Микаэль быстро зашагал в указанном направлении. Навстречу летели музыка, голоса, хохот. Теперь уж он не уйдет, думал Микаэль, теперь он останется до конца. А потом плюнет безумцу в лицо. Последняя гардина отделяла его от зала. Он распахнул ее, готовясь к множеству недоуменных взглядов. Однако, кроме официантки, озабоченно поправляющей наушник, никто не обратил на него внимания.

– Вам нужен столик, – не спросила, а утвердительно сказала девушка.

Отводя взгляд от выставленных напоказ грудей, Микаэль зло кивнул:

– И мне пообещали лучший из всех, что есть!

Официантка улыбнулась:

– О, разумеется. Меня предупредили.

Она завалила бедрами, лавируя меж диванов и стульев. Место действительно было хорошим – на возвышении, в полутени. Компания мужчин, направлявшаяся туда же, возмутилась. Однако официантка, а главным образом, широкоплечий тип, появившийся у нее за спиной, быстро их успокоили.

«А у них тут порядок! – подумал Микаэль, – Недаром говорят, что это кабаре считается лучшим в городе. Ну и занесло же тебя, приятель!» – мысленно усмехнулся он.

Микаэль первым делом заказал выпить. Старик выбил его из душевного равновесия. Ни к чему было устраивать бравату, злиться. В конце концов, это просто выживший из ума пожилой человек. Всего-то и требовалось – поговорить с ним, задать несколько вопросов. Однако, как презрительно звучали его слова: «Вы правильный человек»! Микаэль гордился своими

принципами. Стремиться достигнуть поставленных целей, дисциплинировать себя – гораздо важнее, нежели пускаться во все тяжкие в погоне за наслаждениями.

Кабаре заполнялось. Мужчины сидели за столами, свешивались с перил верхних этажей, топтались вдоль стен. Бедные и богатые, молодые и старые – словом, мужчины любой масти. Но чуткая, почти осязаемая грань была не между социальными классами. Присутствовавшие делились на веселившиеся, пьяные компании и тех, кто смотрел на сцену в напряженном ожидании. Первые громко смеялись, требовали девушек. Вторая группа мужчин, их было меньше, весьма отличалась. Кто-то теребил букет, кто-то бросал негодующие взгляды на шумевших. Неприязнь скапливалась в воздухе. Чувствовалось, еще немного и две стороны схлестнутся. «Новички» и те, кто уже видел *ее*», – догадался Микаэль. Ему стало любопытно.

Под разбитной звук фанфар на сцену выскочил конферансье. От напомаженных волос и фрака, расшитого бисером, разлетались блики. Тонкие усики казались нарисованными на опухшем лице.

– Доброй ночи, господа, доброй ночи! Кабаре «Роскошные ножки» – а ножки наших прелестниц, ручаюсь, действительно великолепны! – он заговорщицки подмигнул, – и сама мадам Жубер рады приветствовать вас! – конферансье с поклоном обернулся к ложе над сценой справа.

Луч софита упал на перила и осветил дородную даму, без улыбки оглядывающую публику. В зале послышались хлопки, крики «Виват», кто-то удалски свистнул. Мадам Жубер важным кивком ответила на сомнительные приветствия, свет погас и она исчезла. Конферансье продолжил:

– Я вижу, наше кабаре снова переполнено. И вы правильно сделали, что пришли сюда. Сегодня будет незабываемый вечер, клянусь честью!

В зале насмешливо фыркнули.

– Да, да! Именно честью своей, хотя вижу, что некоторые из вас во мне сомневаются, – на лице конферансье играла улыбка, но в голосе плескалась обида.

– Наши красавицы приготовили зажигательные танцы. Симпатяга Арно со своими ребятами исполнит для вас озорные и смелые песни. А в полночь выступит особая гостья – Дилин. Ну, пожалуй, хватит разговоров. Время веселиться!

Бойко заиграли музыканты, и конферансье растворился в оборках разноцветных юбок. На сцене закружились танцовщицы.

Каждое представление было продумано до мелочей, поражало калейдоскопом ярких образов и декораций. Задорных пастушек сменяли египетские жрицы, а тех – восточные гурии. Бесстыдные движения, зовущие взгляды – Микаэль не мог не признать, что кровь быстрее побежала по венам. И все же после каждого танца оставался неприятный осадок – казалась невероятной мысль, что женщинам нравится выставлять себя в таком свете. Он заметил, как в зал стали спускаться с верхних этажей девушки. Некоторые уже сидели за столиками и что-то щебетали не слушающим их мужчинам.

Гвалт в зале вырос настолько, что иногда покрывал грохот музыки. Конферансье бросался со сцены конфетти и пошлыми шутками. Неподалеку зазвенели ругательства и битая посуда – вспыхнула ссора. Дым сигарет сплетался в замысловатые узоры. Официантки блестя потными телами, мелькая между колонн. Кое-кто пустился в пляс. Несколько пьяно спотыкающихся парочек поднимались по лестницам, ведущим, надо полагать, в номера...

Микаэль поднялся. С него достаточно – переполняло отвращение ко всему увиденному. Он шел сюда не за этим. Но, едва он сделал шаг, музыка оборвалась. Конферансье взмахнул руками на волну возмущения.

– Господа, не переживайте! Дамы еще вернутся! А бедняга Арно охрип, пока пел. Ему срочно нужно если не капельку любви, то хотя бы глоток спиртного – промочить горло! –

конференсье замолк, очевидно, ожидая смеха, но никто не рассмеялся. Тогда он поднял палец, призывая прислушаться. Где-то в самом сердце кабаре звенели часы.

– Ровно полночь, господа. Полночь – время выступления Дилин.

Вокруг сцены тенями выросли плечистые парни. Скрестив руки, они воззрились в зал. Свет соскользнул со сцены, оставив ее в темноте и замер на гардине, за которую убежали танцовщицы.

Все взгляды обратились к колышущемуся занавесу. Стало тихо. Целую минуту ничего не происходило.

Вдруг взвились к потолку легчайшие звуки скрипки. Над толпой пронесся вздох. Занавес откинулся, и появилась Дилин.

Танец

Сначала Микаэль увидел, как крепкие ножки в пуантах мягко ступают к сцене. Испытывая непонятный страх, он поднимал взгляд. Гибкий стан, нежные запястья, легко дышащая грудь. Дилин вышла, не поднимая головы. Плечи опущены, волосы неловко перехвачены розовой лентой. Замерев, она посмотрела перед собой с улыбкой.

Девушке было лет восемнадцать. Узкие бретели серой майки и балетная пачка делали ее еще более юной. Обратив большеглазое, кукольное лицо к зрителям, она ждала чего-то. Когда музыка зазвучала смелее, Дилин стала танцевать.

Бабочками порхали ее руки и ноги. Каждое тающее движение кололо в грудь. Трепетно плела Дилин телом колдовские письмена. Микаэль не видел танца, он читал, он слушал трогательную повесть о весне, о звонкой капели. О том, как зацветают сады и журчат ручьи. О первых грозах и бурных, но коротких ливнях. В лицо пахнул свежий ветер. Вспомнилось томление первой любви, робкие поцелуи. И небо! небо, полное ярчайших звезд, какими они бывают только в юности. Музыка уводила в хрустальную глубину, и Дилин следовала за нею, стремительно взбегая по радуге все выше и выше. Она играла со звуками скрипки, наслаждаясь ими, купаясь в них. Срывалась дождем за ними в бездну, точно за стаяй озорных ласточек, вновь взлетала, и сердце всякий раз сжималось от болезненного чувства прекрасного.

Окруженная яркими картинками, Дилин остановилась. Растаяла, дрожа, последняя нота. Плахой упал занавес, скрыв девушку. Тишину разорвало аплодисментами. Людская волна хлынула к сцене. Сыпались букеты, кто-то кричал: «На бис!» Возгласы, плач, топот – в кабаре началось вавилонское столпотворение.

Микаэль очнулся. Он стоял, сжав край стола так, что онемели пальцы. Несколько мужчин неподалеку торопливо протирали глаза. Многие лица были светлы, полны чистой мысли.

В голове проносились вихри слов, полупрозрачных образов. В уши били и били беспощадные овации. Микаэль, как слепой, выставив перед собой руки, пробирался сквозь толпу в поисках выхода. Наткнувшись на барную стойку, он с трудом выговорил:

– На сегодня это все?

Бармен ответил не сразу – похоже, и ему нужно было время, чтобы вернуться в настоящее.

– Да. Каждую полночь и только один танец.

У входа по-прежнему была очередь. Он выскочил из кучи людей и побежал к служебному входу. Из здания высыпала грозная охрана мадам Жубер. За неприступной стеной их спин бородатый незнакомец провел дочь к подъехавшему автомобилю. Девушка была укутана в длинный плащ с капюшоном. Виднелись только пуанты.

– Дилин, умоляю, позволь одно свидание! Вы прекрасны! Не будь такой жестокой! – кричала оттесненная толпа.

Старик и его дочь сели в машину, и она, урча, сорвалась с места. Несколько автомобилей с охраной последовали за ними. Разочарованно вздыхая, люди понемногу расходились.

Привычная сдержанность покинула Микаэля. Дилин! Только такое имя подходило ей. Как чиста, как прекрасна эта девушка! Танец еще клубился внутри. И все же беспокойство покалывало пылающую душу. Оно ворочалось в глубине, охлаждая восторг и внося смуту. Было что-то неуловимо близкое, родное ему в этом волшебном танце.

Он метался по холодным улицам, наполняясь то ликованием, то отчаянием. Осознать, что с ним произошло, Микаэль не мог и не хотел, и потому позволил разуму потонуть в кипящем водовороте чувств.

Ночь отступала, прячась от Микаэля за углами зданий, следила за ним из переулков. Совершенно больной, истерзанный, он вошел в свой пустой дом, когда ночь уже бесследно исчезла из города.

Пробуждение

Тяжесть черного сна вжимала тело в постель. С усилием Микаэль сел. Взгляд привычно нашел циферблат – он спал два часа и четыре минуты.

В попытке изгнать ломоту из тела и боль из головы, он принял душ. Отражение в зеркале внимательно глядело на него. Впалые щеки, мелкие морщинки у глаз. Что знал Микаэль об этом человеке? Ему тридцать три. Он одинок. Так было нужно. Мужчина в стекле смотрел, спрашивая. И Микаэль мысленно отвечал:

– Да, многое оставлено за бортом. Но я пошел на это добровольно. И не отступлюсь от своей клятвы!

Перед ним вновь и вновь возникал образ Дилин. Ее появление на сцене вчерашней ночью поразило его. Сколько раз он разглядывал это миловидное личико на черно-белой фотографии...

Он должен увидеть девушку, поговорить с ней, узнать ее. Нужно разобраться во всем. Да, вопросов много. И их нужно задать.

Гордость старика, согласие Дилин танцевать в борделе стали ему понятны. Цель у них была, видимо, общая. Место было подобрано специально для того, чтобы с Дилин познакомилась не только прихотливая, своенравная публика. Микаэль теперь легко согласился бы с Арчибалдом. Все, видевшие танец Дилин, остро среагировали на это чудо. Люди, словно очнувшись от дурмана, с удивлением оглядывались. Мужчины, пристыженные своим поведением, неловко подбирали посуду, помогая официанткам. Девушки плакали навзрыд. Одна из разносчиц швырнула поднос и, запахнувшись в забытый кем-то пиджак, пошла к выходу. Да, люди изменились. Старик был прав.

Выйдя на улицу, Микаэль с изумлением отметил, что город переливался яркими красками. Рассеялись туманы. Осень казалась сплавом золота и багрянца. Беспричинная радость кипела в сердце. Микаэль шел, вдыхая вкусную прохладу, и улыбался. Где искать девушку и старика он не знал. И потому решил вернуться к началу.

Солнце содрало ночной лоск с кабаре. Каменные стены покрытые, точно паутиной, сетью трещин, хмуро смотрели на жизнь вокруг. Тут и там на мятом асфальте сверкали клочки бумаги, окурки, осколки бутылок.

Двери были заперты. Взглянув на часы, Микаэль усмехнулся. Только девять утра. Он обошел здание. У служебного входа стояли несколько мужчин.

Один из них привлекал внимание уже потому, что выглядел несчастным. Остальных томило ожидание или наполняла благодарность. На лице молодого человека жили одни страдания. Голубые глаза горели. Губы сжаты. Черты лица заострены, кожа желтоватого оттенка.

«Бессонница. Нервное истощение. Возможно, печень засорена», – привычно отметил Микаэль. Отдавшись наитию, он направился к этому человеку и представился.

– Мартин Сингрэйт, – парень мотнул головой в сторону кабаре, – Дилин надеется увидеть?

– Да.

– Не получится. Он дьявольски умен, ловко ее скрывает.

– Зачем же вы здесь?

– Сегодня ее последнее выступление, – Сингрэйт злорадно улыбнулся тени, пробежавшей по лицу Микаэля. – Последнее выступление – и вас могут не впустить, хоть умоляйте. Это его условие. Он сам отбирает счастливых. А внутрь не попасть.

Микаэль понял это, осмотрев здание. «Роскошные ножки» были крепостью, которую без боя не взять. Здание в три этажа выложено камнем. На окнах решетки, две двери – дубовая парадная и железная служебная – наверняка, охраняются угрюмыми ребятами мадам Жубер.

– Зачем вы здесь? – повторил вопрос Микаэль.

– Пытаюсь выследить Дилин, – парень сглотнул, – пытаюсь поспеть везде. Мечусь между его лавкой и кабаре. Та, что уезжает с ним – другая. Я знаю. Сволочь! – парень сжал кулаки.

– Почему бы вам не спросить об этом самого старика?

– Думаете, я не пытался? Я увидел их первым, когда оба, еще неизвестные никому, появились в городе. Сначала я наблюдал. За ней. Ни у кого я не встречал таких глаз. Я подошел. Старик тут же посадил ее в такси. Я хотел остановить его, объяснить, что чувствую. Он оттолкнул меня, не испугался. Потом назвал это кабаре и посоветовал не приходить. Вот так. Его найдете за сквером Святой Паулины. Маленький такой переулок. Но девушки там нет.

Они поговорили еще немного. Микаэль хотел идти, но оставался последний вопрос к этому человеку:

– Вы несчастны. Что дал вам ее танец?

– Тьму, – был ответ.

Вопросы

Улочка, указанная Сингрэйтом, была на редкость уютной. Здесь еще царило тихое утро: спали дома, дремали занавески на окнах. Однако поклонники Дилин уже разрушали эту истому. Несколько машин стояло на обочинах. У поблекшей вывески, гласившей, что здесь находится «МАГАЗИН КУКОЛ АРЧИБАЛЬДА АРКИНСА», нерешительно топтались мужчины с цветами. Микаэль потянул ручку, и стекло двери весело сверкнуло, ослепив его.

– Динь-дилин, – прозвенел колокольчик заветное имя.

Вокруг разливался полумрак. Хотя, по словам Сингрэйта, обосновался здесь Арчибальд совсем недавно, всюду лежала пыль. Даже запах был старинный, насиженный. Собственно, на магазин небольшое помещение с полками вдоль стен и высокими тумбами не походило. Микаэль искал аляпистых красок, клоунов и пупсов, торчащих отовсюду. На полках стояли куклы. Завернутые в полупрозрачную и шелестящую при малейшем движении воздуха бумагу, они казались живыми. О тонкой работе игрушек говорили выглядывающие из бумажных лепестков тут фарфоровая с золотым браслетом рука, там искусно украшенная цветами шляпка.

Молодая пара осматривала куклу, стоящую на тумбе. У прилавка ожидал покупатель. Хозяин, величественный и седой как Санта-Клаус, бережно укладывал в коричневый картон коробки покупку. Пересчитав деньги и звякнув ключами от кассы, он хмуро осмотрел свои владения и только потом остановился на Микаэле. Не выказав удивления, Арчибальд усмехнулся. «Не я первый раскаявшийся, – подумал Микаэль. – И на этом спасибо».

Микаэль хотел заговорить. Но тут девушка обратилась к старику.

– Мы с мужем выбрали эту, – она посмотрела на мужчину рядом и взяла его за руку. – Что вы скажете?

Голос Арчибальда раскатился по всему пространству:

– Скажу, что у вас прекрасный вкус! Это чудесное создание.

Арчибальд Аркинс вышел из-за прилавка.

– Ее сделал ученик самого Ламьера, творившего в прошлом столетии. Прекрасная работа!

Он осторожно убрал бумагу, и на них взглянула миленькая продавщица бутоньерок. Ее смеющийся вишневый рот, темные глаза, ямочки на круглых щеках искрились любовью к жизни. Казалось, маленькая женщина сейчас тряхнет кудрями и весело расхохочется.

Арчибальд продолжал:

– Ученика звали Жан Буаро. Он неистово полюбил Ирину Клэр, жившую неподалеку от мастерской Ламьера. Утром и вечером дежурил на пороге мастерской, чтобы увидеть ее. Она торговала на бульваре. Жан пытался ухаживать, но мадмуазель Клэр только смеялась в ответ. Бедняга даже заболел из-за горькой неразделенной любви. Тогда Ламьер посоветовал ему излить тоску в работу, чтобы высвободить бушующую страсть. На создание точной копии Ирины Клэр у Буаро ушел почти год. Эта корзиночка сплетена из сухих стебельков букета, купленного Жаном у Ирины. Цветы как живые, не правда ли? Всю одежду он пошил сам. Платье голубое, потому что Ирина обожала этот цвет. И шито оно из косынки, которую он выкрал с плеч чаровницы. Буаро передал абсолютно точные пропорции возлюбленной. Думаю, несчастный не один вечер провел у окон девицы, пока та принимала ванну.

Любовавшаяся куклой девушка спросила:

– А чем закончилась эта история? Господину Буаро удалось завоевать любовь красавицы?

– Увы, нет. Она отдала сердце другому. Но Жан вложил всю любовь в куклу. Позже, в дневнике своем он писал, что охладел к Ирине, к этому искусству, да и к жизни, едва закончил работу. Куклу он продал за небольшие деньги, хотя многие готовы были дать больше за эту

чистоту линий и живость во взгляде. Он прожил недолго. А про куклу говорили, что она воскрешает любовь. Вот так.

– Откуда же вы все это знаете? – спросил мужчина.

– Из записей создателя, разумеется! Копии их, а также эскизы и сертификат, подтверждающий, что это работа Жана Буаро, прилагаются.

Девушка захлопала в ладоши и обратилась к своему спутнику:

– Я без ума от нее! Дорогой, пожалуйста!

– Сколько? – спросил мужчина у Арчибальда.

Арчибальд назвал пятизначную цифру.

– Однако! – мужчина был ошарашен.

– Но ведь она стоит того! – в словах старика слышался двойной смысл.

Девушка сникла. Взглянув на нее, мужчина выпрямился и кивнул.

– Хорошо, мы берем. Вы принимаете банковские карты?

Арчибальд категорично взмахнул руками:

– Нет, я продаю только за наличные.

Мужчина что-то обдумывал. Затем сказал:

– Дайте нам час. Только никому не продавайте куклу.

– Я и не смогу этого сделать. Ирина уже выбрала вашу жену. У нее даже щечки зарумянились! Я-то знаю своих крошек.

Мужчина удивленно пожал плечами и пара вышла.

– С такими ценами на свой товар вы, думается, не бедствуете, – сказал Микаэль, когда дверь закрылась.

Старик издал смешок, и куклы беспокойно зашелестели.

– Весьма неудачное начало для извинений. Итак, вы видели Дилин и вы здесь.

Микаэль напрягся:

– Да. И хочу извиниться за те грубые слова и мысли, которыми был полон вчера. Вы правы – я не знал, о чем говорю, я создал неправильный образ. Танец обнажил глубины души, о которых я не подозревал.

Микаэль остановился – то ли он говорит? Старик серьезно смотрел на него.

– Но? – подтолкнул он Микаэля.

– Нечто смутное во мне не дает покоя, и я хочу, чтобы вы помогли разобраться.

– Извинения приняты. Будем знакомы. Арчибальд Аркинс.

– Микаэль Блис, – ответил Микаэль, пожимая протянутую руку.

Арчибальд повторил его имя, точно пытаясь распробовать. Он разочарованно цокнул, покачал головой.

– Чего-то в вашем имени не хватает, – он подумал немного. – Стержня нет, вот что.

Микаэль нахмурился:

– О чем вы?

Старик взглянул на часы на стене, проигнорировав вопрос:

– Скоро подойдет продавец, которого я нанял в помощь. И мы сможем поговорить. А пока не угодно ли познакомиться с моими сокровищами?

Они двинулись вдоль полок. Арчибальд бережно раскрывал папирус, извлекая на свет хрупкие, искусно сделанные творения. Кукольные личики из фарфора, стекла, и даже сахара смотрели на них с улыбкой или грустью, гротескные рожицы из глины и дерева – сурово или с хитринкой. У каждой была своя история, и Микаэль почувствовал, что в голове образуется каша из имен, событий, дат. Арчибальд сыпал подробностями, рисуя миниатюры прошлого – яркая куртизанка бережно расчесывала волосы кукле-талисмани; в душевных джунглях Индии колдунья вырезала куклу-хранителя для жены старейшины; китайский мастер шил

халат на фарфоровую любимицу императора; дети шумно радовались сахарным пастушкам где-то на окраинах Германии.

Микаэль нашел, как остановить этот монолог.

– Парадоксально. В музее игрушек, призванном развлекать детвору, экспонаты выглядят зловещими или унылыми. У ваших же кукол печальные, даже мистические биографии, и это делает их лишь притягательнее. Полагаю, детям в ваш магазин вход закрыт.

Арчибальд покачал головой:

– Мои куклы не для детей. Мои куклы и не для каждого взрослого. Только те, кто наделен даром чувствовать красоту, сможет услышать и понять этих малюток. Вы не были здесь ночью. Я был. Они дышат и шепчутся, словно бабочки, Микаэль. Они живые. Живые, потому что в них – души их создателей. Вот эта девушка, что была здесь. Ирина подарит ей кусочек счастья. Она будет любоваться ею, когда будет одна, и никто не помешает их бессловесному диалогу.

Звякнул колокольчик – в магазин влетел запыхавшийся продавец.

– Тащился, заплетая ногу за ногу, а? За что я тебе плачу? – напуская гнева в голос, гремел Арчибальд

Парень улыбался. «Похоже, – подумал Микаэль – господин Аркинс не самый строгий хозяин».

Арчибальд обратился к Микаэлю:

– Ну что ж, пойдете, угощу вас чаем.

Они прошли в подсобное помещение. Арчибальд ушел в комнатку справа и поднял там страшный грохот.

Микаэль проследовал на шум. Все было заставлено рухлядью, посередине высился разделочный стол с кастрюлями, чашками и прочей посудой.

– Что здесь раньше было?

– Кондитерская. Я в каждом городе ищу нечто подобное. Нельзя держать кукол там, где раньше торговали железом или рыбой, они этого не любят. А вот сочетание пирожных и фарфора весьма благоприятное, да.

Арчибальд вынес чайник, тарелку с печеньем. Затем усевшись за стол, взглянул на Микаэля.

– Что ж, задавайте ваши вопросы, хотя предупреждаю, что не дам всех ответов.

– Первое, вы не отец Дилин. Что вас с ней связывает?

– Да, я не прихожусь ей отцом – но люблю ее как дочь, таковой ее и считаю. И, признаюсь, ближе меня у нее никого нет. Зброшенный полевой цветок.

– Как давно вы знаете ее?

– Наша дружба зародилась, когда девочке едва минуло десять.

– Почему кабаре и именно «Роскошные ножки»?

Арчибальд пожал плечами;

– Посетители такого рода заведений не проявляют особого любопытства, не суют нос куда не надо. К тому же, многим из тех, кто приходит в кабаре нужна помощь – некий психологический толчок, нечто большее, чем бесцветные слова: «Ты сможешь». Искусство танца может воскрешать надежды и мечты, наполняя человека силой. Оно очищает сердца. Делает лучше тех, кто считает, что уже нет выхода. Что до «Роскошных ножек» – Жанна Жубер и я... Словом, она попросила. Я не могу ей отказать, хотя прекрасно знаю – она преследует лишь корыстные цели.

Когда Арчибальд упомянул мадам Жубер, на его глаза легла тень. Микаэль отметил, что старик говорит о ней настороженно.

Микаэль спросил:

– Вы боитесь ее?

Арчибальд возмущенно пророкотал:

– К вашему сведению, я не боюсь никого! Исповедоваться вам о своих чувствах к ней не собираюсь. А вот созданные ею танцы я презираю! Вы ведь лицезрели вчера этот кошмар? Никакой импровизации, плоские сюжеты, вульгарные костюмы! Для нее танец – лишь комбинация телодвижений, декораций и нарядов, подобранных, чтобы превратить толпу в стадо. Но, оставим Жанну в покое. Вы пришли говорить о Дилин.

– Я небольшой знаток, однако, понимаю, что Дилин идет наперекор всем канонам. Где она этому научилась?

Старик оживился.

– О, вы заметили! Она не училась. Идеи она черпает из своих грез и фантазий. Танец, движения рождаются в ее головке. Вы ведь поняли, что она говорит своими па? Это все ее воображение, хотя, не будь у нее такого талантливое и послушное тела, ей никогда не удалось бы реализовать свои видения.

Арчибальд говорил с благоговением:

– Знаете, Микаэль, я твердо уверен, что наша с Дилин встреча загадана высшими силами. Постараюсь объяснить. Танец – это не просто умение выполнять вызубренные движения в такт музыке. Человеческий язык беден. Нет слов для того, чтобы выразить все чувства и эмоции, которые обуревают нас в минуты гнева или страсти, тоски или счастья. К примеру, «любовь». Весьма скудное словцо для столь многогранного чувства! Так вот танец – это возможность передать все оттенки эмоций. В этом и есть призвание Дилин. Она танцует и каждый понимает ее. Если она рассказывает о любви к жизни, то все в зале следуют за ней, начиная по-новому смотреть на мир. Моя же задача – оберегать эту наивную пташку.

– Оберегать от кого?

Арчибальд досадливо мотнул головой:

– Сколь глупый вопрос! В этом мире самые жестокие хищники – люди. Мы приходим в этот мир с парой белоснежных крыльев и парой красных рогов. Крылья выбирают не все.

– Но разве опека над Дилин не зашла слишком далеко? Ошибаться и жить – одно и то же! Не лучше ли дать ей немного свободы? У нее талант. Почему вы не посоветуете ей развивать умение? Она могла бы стать по-настоящему знаменитой! Зачем вы прячете ее от блестящего будущего?

– Будь Дилин обычной девушкой, я так бы и поступил. А блескучие перспективы, о которых вы говорите, недоступны ей с рождения.

– Что вы имеете в виду? Она больна? – у Микаэля сжалось сердце.

– Была больна раньше. Я сделал для нее все, что мог. В настоящее время она не совсем здорова. И уж точно не приживется в том мире, куда каждый из вас пытается ее впихнуть.

Кукольник стал подниматься с кресла, он выглядел рассерженным.

Микаэль вскинул руку:

– Пойдите! Я начинаю догадываться. Вчера я испытал небывалый восторг. И все же некая деталь, непонятая мною, не давала покоя. Она необычна, сказали вы сейчас. И это не только об ее духовных особенностях, о нет! С девушкой что-то не так! Но что же?

Микаэль мерил шагами кабинет. Мозг пылал, нервы были натянуты струной. Он посмотрел на старика:

– Скажите, что я упустил?

Арчибальд больше не хмурился. Напротив, казался довольным терзаниями Микаэля.

– Что ж, говорят, Бог Троицу любит... Вы должны знать. До вас приходили двое. Первый был молодой поэт, ровесник моей Дилин. Вот он-то сразу догадался. Помню, как спрашивал меня, а сам отводил взгляд. Знал, что обречен. Творческий человек был – то, что остальным чудилось лишь паутиной, тенью – ему представлялось в мельчайших подробностях. Он остро чувствовал жизнь и смерть. Да! Второй был подающим надежды математиком, ученым. Упра-

шивал меня, как вы сейчас. Дилин была уравнением с ошибкой, и он бился над тем, чтобы решить задачу. Я подробно ответил на все его вопросы, гадая, не случится ли с ним то же, что и с юным поэтом. И поначалу думалось, что воля логического ума сладит с потрясением, усмирит бурю внутри. Но продержался он недолго. Хороший был парень, – Арчибальд вздохнул.

Микаэль спросил чуть слышно:

– Что с ними стало?

– Вы знаете ответ. Они оборвали свои жизни. А мне нужен человек, которому я мог бы поручить сделать то, что мне самому не удастся. Вы слабы для такого. Слабы духовно. Не смотрите с таким удивлением – я знаю, что говорю. Видит бог, я люблю Дилин! Люблю за ее чистоту, за незапятнанную душу, но быть с ней изо дня в день – тяжелая ноша. И вам она не под силу – вы сломаетесь. Потому я не стану вам помогать. Достаточно того, что я рассказал, а Дилин показала. Так идите же в жизнь и проживите ее. Теперь вы понимаете, что я имею в виду.

Комната кружилась перед глазами, и все же Микаэль держался:

– Одну минуту. Вы меня мистифицируете. Я не знаю, в какие темные дела вы замешали девушку. Но сделаю все, чтобы добыть правду. Хотите вы того или нет, я увижусь с ней, чтобы поговорить и помочь!

Арчибальд глядел на него исподлобья, упершись кулаками о стол. Микаэль повернулся, чтобы идти, когда Арчибальд спросил:

– Чем вы зарабатываете на жизнь? Мне интересно – поэт, математик, а кто следующий?

– Я врач, работаю в судебной экспертизе, – ответил Микаэль.

Он вышел, унося с собой слова старика:

– Что ж, тогда... тогда попробуйте.

Мадам Жубер

Микаэль шел, опустив голову. Радость растворилась в темном сюжете состоявшегося диалога. Вспомнились ему и мрачные слова Сингрэйта. Быть может, несчастный прав. Но где-то в глубине трепетал огонек утренней свежести. Микаэль понимал, что, вышел на нужный след – и теперь он пойдет до конца. Пусть и ценой собственной гибели.

Арчибальд дал ему подсказку. Микаэль торопился. Времени до выступления оставалось все меньше, а сделать предстояло очень много.

...Близился вечер, когда Микаэль подошел к кабаре с портфелем в руке. К «Роскошным ножкам» уже стекались мужчины. Микаэль направился к служебному входу. Он стучал до тех пор, пока ему не открыли.

– Чего тебе... Вам? – спросил вышибала, глядя сквозь узкую щель.

– Я к хозяйке.

– Она не принимает. Много вас таких, – вежливость давалась охраннику с трудом.

– Я не из поклонников. Я был у господина Аркинса. У меня деловое предложение. Передай ей.

– Я тебе не почтальон! – огрызнулся громила. – Катись.

Микаэль вздохом сдержал раздражение:

– Хочешь ты этого или нет, но внутрь я попаду.

– Томас, ну чего ты? – раздалось позади него. Микаэль обернулся.

Это была та самая официантка, которая вчера ушла, послав все к черту.

– Впусти нас, – обратилась она к охраннику.

– Ты вроде как уволилась, – буркнул Томас.

– А сегодня вернулась. Мамаша Жубер возьмет меня, вам же рук не хватает – я знаю.

Томас колебался. Когда же девушка пригрозила, что начнет звать мадам, стоя под окном кабинета, он шире раскрыл дверь.

– Только ты. Он не войдет.

Девушка обернулась к Микаэлю:

– Я все передам, – шепнула она и проскользнула внутрь.

Спустя минут десять дверь вновь отворилась, Томас впустил его и провел в главный зал. Лежавшую вокруг тишину изредка разбавляли обрывки фраз, звяканье посуды. Темная мебель и мерцающий стеклом бутылок бар дремали перед очередным открытием. Многочисленные арки, входы уводили куда-то вглубь. Лестницы вились вдоль стен. Одним словом – лабиринт.

– У тебя ровно пятнадцать минут. Кабинет на третьем этаже, – сказал Томас.

Статная фигура мадам Жубер удобно расположилась в кресле. Темные волосы с проседью собраны в шиньон. Твердая линия подбородка и недоверчивый взгляд говорили о волевом характере и подозрительности. Несмотря на преклонный возраст, на лице женщины еще виднелась горделивая красота прошлых лет

– Кто вы? – голос ее был низким, тон требовательным.

– Меня зовут Микаэль. Я говорил с Арчибальдом.

– Арчи – любитель трепать языком. Дальше что?

Микаэль помолчал, собираясь с мыслями. Он огляделся. Кабинет Жанны был кабинетом делового человека. Бюро, пара кресел, старинный шкаф с книгами. Ничего из тех вещей, которыми любят окружать себя женщины, отметил Микаэль – ни фотографий в рамке, ни статуэток, ни цветов.

Он сказал:

– Я просил у него позволения увидеть Дилин. Просил его остаться здесь немного дольше. Он отказался наотрез. Однако он упомянул, что вы расчетливы. Тем лучше. Я хочу предложить сделку.

Мадам Жубер усмехнулась:

– Арчи, Арчи! Старый осел! Скажу сразу, просить меня задержать Дилин в городе бесполезно. Многие молили об этом. Я не в силах помочь.

– Я пришел не просить, а договориться. Со слов Арчибальда я понял – вы последний человек, которого он будет слушать.

Жанна стремительно поднялась:

– Тогда чего же вы от меня хотите?!

– Повлиять на Арчибальда может только сама Дилин. Дайте мне возможность увидеться с ней.

Жанна Жубер криво улыбнулась:

– Это невозможно. Я дала Арчибальду слово. И плевать, что за выводы вы сделали! Нас связывают долгие годы. Вы ничего об этом не знаете.

Микаэль постарался вернуть ей улыбку:

– Поверьте, узнать будет не и сложно.

Сев в кресло напротив, он небрежно закинул ногу на ногу. Микаэль отчаянно блефовал и надеялся, что женщина не раскусит его.

– Присаживайтесь, мадам, и давайте поговорим начистоту.

Женщина хмуро посмотрела на него и опустилась в кресло:

– Послушайте, Микаэль. Не знаю, что вы с Арчибальдом задумали, но я готова ко всему. И передайте безумцу, что не отступлюсь!

– Вы умная и деловая женщина, мадам. Не тратьте усилий на притворство. Вы дали слово Арчибальду только для того, чтобы заманить его в «Роскошные ножки». У входа куча народу. Мужчины готовы платить большие деньги за то, чтобы увидеть танец девушки. Дилин вы будете использовать в качестве гвоздя программы. Что ж, я тоже заплачу вам. Но мне нужна встреча. А вы можете ее организовать.

Жанна Жубер подняла изумленно брови:

– Что вы несете? Да будет вам известно, что я много лет борюсь за то, чтобы вырвать девушку из когтей этого фанатика. Арчибальд бессовестно эксплуатирует ее. Устраивает показательные спектакли, окружая ее мнимыми тайнами, пряча от людей. Я же вынуждена принимать участие в этих позорных представлениях, потому что у меня руки связаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.